

О, МОЛОДЫЕ ГЕНЕРАЛЫ СВОИХ СУДЕБ

Уже более трёх десятков лет в Лермонтовской библиотеке по четвергам на призыв библиотекаря Ирины Шихваргер собираются читатели, люди разного возраста, разных профессий. Но, может быть, такого собрания ещё не было. Здесь прошли не лекция, не чтения (а, как бы это сказать?) пожалуй, моноспектакль методиста областной юношеской библиотеки Светланы Николаевны Левагиной. Три вечера, посвящённые, возможно, самой романтической главе нашей истории – Отечественной войне 1812 года; о судьбах пятерых братьев, «молодых генералов своих судеб» Тучковых. Здесь всё совпало – Светлана, преданный друг лермонтовских homo legens – людей читающих; самая яркая сейчас тема – 200-летие Отечественной войны; и новые открытия Светланы Левагиной. Открытия потому, что каждое появление её перед аудиторией – всегда что-то яркое, захватывающе интересное, доходящее до самых глубин сердец слушателей. Так получается потому, что, занимаясь любой темой в своей разнообразной деятельности, Светлана сама погружается в мир очередного своего путешествия, и мы идём рядом с ней.

Их было пятеро сыновей – Николай, Алексей, Сергей, Павел, Александр – у основоположника русской военно-фортификационной научной инженерии. Все стали прославленными генералами, гордостью родителей и Родины. Но рассказывать ярославцам о Тучковых непросто. Эта фамилия многим известна в нашем крае. В ярославской печати о генералах Тучковых написано немало, но больше всего это повторение известных фактов и публикаций нескольких сохранившихся портретов. И, конечно, главное – Отечественная война, её ход, её этапы. Бородинское сражение, имена редутов и флешей его запоминают ученики из школьных программ. А вот о самих Тучковых мы практически ничего не знаем. Но Левагина, по отзывам профессора Маргариты Ваняшовой, – «трижды романтик», а по оценке профессора Владимира Жельвиса – настоящий учёный. Мир её знаний и огромное количество переработанного материала под звуки увертюры П. И. Чайковского «1812 год», вводят нас в атмосферу того мира и той войны...

Николай Тучков был для своих современников воплощением чести и достоинства, хотя далеко не всегда он получал награды и признания от власти. Мать его Елена Яковлевна любила своего старшего сына больше всех. Узнав о его смерти, она и ти

же день ослепла и отказалась звать докторов, заявив, что ей не на кого смотреть в этом мире. «Он небольшого роста, рябоват, ловок в обращении и со светским образованием. Воин в душе, при замечательных своих дарованиях военных, он имел ум просвещённый, обхождение привлекательное. Но отличительными чертами его характера были строгое бескорыстие и непоколебимое прямодушие. Чуждый всех личных выгод... он помышлял только о добросовестности исполнения своего долга... Николай Алексеевич пользовался уважением всей армии, и память о нём сохранится навсегда в военных летописях России», – пишет о нём историк Марина Кретьова. И даже в доносах Тайной канцелярии в связи с участием Тучкова в «Смоленском заговоре 1797 – 1798 годов (первой попытке организованного выступления передовых дворян против самодержавной монархии) его характеристика безупречна: «Прост. Независим. Основателен в мыслях и делах. Ни одного поступка, сделанного из корыстных видов. Обстоятельствам не подвластен, сильный духом. Ум философский. Проницательный вольнодумец... Рождён для беспредельной деятельности... Республиканец, соединил в себе редкие способности возбуждать ум, возвышать душу, объединять разномыслящих».

А отзыв предводителя восстания Тадеуша Костюшко, когда в 1794 году Тучков спас от добивания его солдат противниками: «Генерал Свободы и Независимости шлёт низкий поклон генералу Доблести и Чести».

А Тучков ещё и не генерал тогда, а полковник. С семилетнего возраста, по обычаям тех времён, он был записан воспитанником Инженерного корпуса. Потом стажировался в строительстве крепостей у самого Александра Суворова.

Генерал-майор Тучков был участником известного швейцарского похода. На приёме в честь генералиссимуса в городе Линдау, при обходе русских генералов и офицеров, отличившихся в этом походе, Суворов сказал, обнимая Тучкова: «В знатную историю попал, Герой! Спаситель. Ты – русский. Русский! Кто испуган, тот побеждён в половину, кто удивил – победил. Суворовец! Наука впрок». Сам Тучков написал исследования по совершенствованию военной разведки и рекогносцировке. Представил военному ведомству свои соображения по реформированию управления русскими армиями, а в русско-прусско-французской войне 1805 – 1807 годов приобрёл европейскую известность выдающегося военачальника, самого надёжного в арьергардных боях.

С начала Отечественной войны Тучков – командующий 2-м пехотным корпусом, он во многом обеспечил соединение русских

армий Барклая де Толли и Багратиона, которые Наполеон рассчитывал разбить по одиночке.

И вот день Бородинского сражения. Он держался сверх человеческих возможностей на Утицком кургане, закрывающем путь в старый Смоленск и срывал план Наполеона захватить левое крыло русских. В критический момент Тучков встал во главе Павловского гренадерского полка. Пал князь Багратион, за ним генерал-майор Тучков. Пуля пробила грудь Тучкова.

Узнав о ранении, Алексей Тучков, собиравший ополчение в Можайске, увёз раненого в дорожной карете в Ярославль, не зная, как сообщить ему о гибели Александра в дивизии Коновницына, в которой служил их младший любимый брат.

В одной из церквей Ярославля в Метрической книге записано: «Генерал-лейтенант и разных орденов Кавалер Николай Алексеевич Тучков, 58 лет, умер 2 ноября от раны, полученной на войне».

Здесь отразились разночтения в дате рождения. Н. А. Тучкову в 1812 году было не более пятидесяти лет. Сестра императора Александра I Екатерина, принцесса Ольденбургская – жена ярославского губернатора Георгия Петровича Ольденбургского возложила на могилу серебряный венок. Надпись на нём в своё время поразила Льва Толстого – слова были удивительные для венка, предназначенного воину: «Весь мир был его любящее сердце». Николай Тучков окончил свой путь в доме на Волжской набережной, который ярославцы до сих пор зовут «Домом Болконского». По исследованиям романа «Война и мир» Николай Тучков был одним из прототипов князя Андрея Болконского. Именно здесь произошло его прощание с Наташей и жизнью.

Так фамилии Тучкова и Болконского вошли в историю Ярославля, а через роман Л. Н. Толстого возникло удивительное родство одной судьбы.

Алексей Тучков тоже воспитывался и обучался дома, а затем в Пажеском корпусе и был зачислен в артиллерийскую команду лейб-гвардии Измайловского полка. Он участвовал в русско-шведской войне 1788 – 1790 годов, воевал с польскими конфедератами. В 1796 году стал генерал-майором, командиром Петербургского гренадёрского полка, но, не желая терпеть самоуправство Аракчеева, ушёл в отставку, занимался обустройством своих владений, был членом совета попечителей Московского императорского университета. Он один из самых активных создателей Московского ополчения для боевых действий в составе регулярных войск против Наполеона. За что в 1817 году в числе 43 предводителей дворянства получил из рук императора

Александра I именную грамоту за усердие и бескорыстие в пожертвовании припасов и вещей для войск 1812 года.

«...Жалуем Вам сию Нашу Императорскую Грамоту для сохранения на память потомству как неограниченного усердия дворянства, так и особенного Нашего к нему благоволения». Имея семерых детей, всем дочерям отец также дал блестящее образование.

Даже среди своих блестяще образованных братьев Сергей Тучков выделялся уникальностью своей натуры, многообразием талантов. А материал о нём, собственные «Записки» Сергея Алексеевича, представленные отделом редкой книги (заведующая Галина Павловна Федюк) методисту Светлане Левагиной, позволил автору исследования ещё больше приблизиться к изучаемой эпохе и её герою. Правда, они содержат личные описания лишь первой трети его жизни. Но это удивительный документ, созданный человеком, который был необыкновенной личностью.

Сергей Тучков был профессиональным военным, но он посещал лекции в Московском и Петербургском университетах, владел немецким, французским, латинским языками, объяснялся по-грузински, интересовался географией, геометрией, медициной, рисованием, черчением, риторикой, экономикой, химией, физикой, артиллерией, металлургией, минералогией, философией, литературой. Генерал прекрасно танцевал и ездил верхом, играл на флейте. «Я был в юности моей чрезвычайно предприимчив, и никакой труд не мог меня утратить». К тому же писал стихи, переводил с европейских языков пьесы и басни. Владение словом, смелость в суждениях, бесстрашие в оценках императорских особ, личный взгляд на исторические события сделали невозможным их публикацию в XIX веке, они были напечатаны только в 1906 году.

Он рассказывает о древнем роде Тучковых – они поселились в России 570 лет назад. Оказавшись на службе, Сергей Тучков был принят в петербургское общество друзей словесных наук, в клуб входил и Радищев. Сергей рвался на турецкую войну, но его, старшего адъютанта, прикомандировали к отцу, который заведовал всеми российскими крепостями.

Поход оказался неудачным – без объявления войны шведский король вторгся в пределы России, и двадцатидвухлетний Сергей Тучков сразу стал капитаном артиллерии. Он получил бомбардирскую роту в двести солдат и десять орудий. В «Записках» подробно описывается трудный бой: потери кораблей в первом морском сражении, тяжёлое ранение капитан-лейтенанта Синявина, бегство шведских судов... Всем матросам и солдатам были выданы серебряные медали с надписью «На водах финских».

Между тем началась война с Польшей. Тучков даёт блестящую социальную характеристику положения польского народа, резко осуждает и порядки своего Отечества.

В связи с революцией во Франции и казнью на гильотине Людовика XVI в Польше начались волнения. Тучков взял на себя сбор и организацию брошенных на произвол судьбы русских солдат, сумел отбить казённые деньги в золоте и серебре и обмундирование корпуса войск, знамёна Нарвского полка... Князь Цицианов, наслышанный о громких победах Тучкова, присылает ему на помощь два эскадрона карабинёров. Тучковцев в лагере Цицианова встречали как героев: «...князь Цицианов отдал в ночной пароль имея, лозунг при том был: “Храбрость и Мужество”, его проходное слово: “Украшение России”». Сергеем Тучкову тогда было двадцать три года.

Далее Сергей Тучков пишет о своей грузинской кампании. После смерти грузинского царя Георгия XIII, начались волнения на грузинской стороне. Георгий XIII делает завещание, по которому он уступает царство грузинское державе Российской...

В Грузии особо был востребован дипломатический дар Тучкова. Эта часть его жизни достойна стать наглядным пособием для сегодняшних политиков.

Вот, например, уважение к старинным обычаям народа. Одним из таких обычаев была помощь священного древнего дуба, называемого в народе «Багратион». Или приезд царевича Вахтанга, сына мятежного царя Ираклия I в лагерь Тучкова: он снял с пояса саблю и повесил себе на шею... «В таком виде, подойдя, сказал мне: «Вот моя голова и сабля». Я отвечал ему на это, что государь мой не требует ни того, ни другого».

А потом ещё была война с Персией. Тучкову было предложено в это сложное время стать гражданским губернатором Кавказа. В годы его правления в Грузию пришла чума. Он предпринял героические усилия для выявления и лечения больных, охраны здоровья. Учёл даже нищих, организовал подписку среди жителей, чтобы нищие не бродили по улицам, не разносили заразу. Заболел и сам, но, к счастью, в лёгкой степени.

«Все, начиная с митрополита и до последнего полицейского офицера, были награждены, исключая меня. Высшее же правительство даже не удостоило спросить, что же делал в сие время губернатор и где находился», – писал Сергей Тучков.

Объявляя о своём расстроенном здоровье, Тучков покидает военную службу. Сто знатнейших жителей Тифлиса провожают его до самых Кавказских гор.

Но отставка Тучкова оказалась недолгой – генерал героически участвовал в очередной русско-турецкой войне в 1809 году, в 1810 – 1812 годах служил в армии М. И. Кутузова. Но он не только воевал, а и строил. Имея инженерное образование, он великолепно разбирался в строительстве крепостей. Рядом с крепостью Измаил построил 1500 домов, целый город, линейно спланированный. 14 октября 1812 года Сенат присвоил городу название Тучков, которое он носил 44 года.

В начале Отечественной войны Сергей Тучков был ещё в турецком походе, поэтому участвовал в боях с французами уже после Бородинского сражения. Но в разгаре войны с Наполеоном боевой генерал был отстранён от должности и отдан под суд по обвинению, противоречащему самой природе этого человека чести. Сыграла роль давнишняя вражда Аракчеева с семьёй Тучковых. Восемь комиссий пришли к выводу – Тучков не виновен. Он был оправдан, но Аракчеев скрыл указ от нашего героя. Тучков узнал об этом двадцать лет спустя в городе своего имени, после смерти Александра I.

Находящийся в опале человек занимается интересующим его делом. Он издаёт «Военный словарь», переводы од Горация, трагедий Еврипида.

Направлявшийся в южную ссылку Александр Пушкин познакомился с генерал-майором Сергеем Тучковым в Кишинёве, посетил город Измаил, провёл с Тучковым весь день, вечер, был поражён его умом и любезностью.

Ещё один эпизод, сохранившийся в записках его племянника, тоже Павла, в Шишкине – мышкинском имении Тучковых. Боевой генерал Павел Тучков, назначенный при Александре II московским военным генерал-губернатором в 1828 году сопровождал императора Николая I при осмотре границ с Турцией. Не доходя до Бабадаха они увидели старейшин районов, переданных под скипетр России, с хлебом-солью для императора. Но не только его ждали – в свите императора ехал генерал Сергей Тучков. Они так и сказали Александру II: подносят хлеб-соль своему благодетелю и покровителю. Случай произвёл впечатление на царя – в апреле 1824 года генерал-лейтенант был награждён орденом Святого Владимира второй степени, а в 1830 году он стал сенатором. Что касается наград, то оставшиеся после него сын Павел и внук Михаил могли гордиться генеральскими наградами: орденами Белого Орла, св. Анны второй степени с алмазами, св. Георгия четвёртого класса, св. Владимира второй степени, Мальтийским крестом и золотой шпагой «За храбрость».

О Павле Тучкове тоже можно рассказывать долго. Он, как и другие братья, с детства был предназначен воинской службе. И это своё предназначение оправдал, об этом можно судить хотя бы по наградам: ордена св. Александра Невского с алмазами, св. Владимира первой степени, Белого Орла, св. Анны первой степени с короной, св. Георгия четвёртого класса, мальтийский, св. Андрея Первозванного. Начал с сержанта бомбардирского полка, окончил жизнь сенатором.

7 августа на знаменитой Валутиной горе, с тремя тысячами солдат на 10 – 15 часов задержал корпус маршала Нея, чем сильно нарушил планы Наполеона. А в самый трудный момент, вечером, лично повёл в атаку Екатеринославский гренадёрский полк. И был ранен саблей в голову, штыком в бок. Французы намеревались его убить, но вышел приказ сохранить генералу жизнь.

Тучков попал в плен. Но через несколько дней, говорят хроники, был представлен Наполеону. Тот выразил восхищение отвагой Тучкова, вернул ему забранную шпагу и пригласил его посетить Францию. И высказался о том, что идущие впереди пленными называться не могут, в плен попадают идущие в последних.

Самая яркая биография сложилась у младшего из братьев Александра Тучкова. И он с детства взращён армией, в 17 лет был капралом, в 22 стал полковником. Воспитанный, как и многие дворянские дети, на французских энциклопедистах и истории Древнего Рима, своё образование он пополнял в Париже. Первое боевое крещение получил под Голыминым, проявил редкое мужество, получил первую из своих наград – св. Георгия четвёртого класса.

На Бородинское поле прибыл генерал-майором. Дивизия Коковницына, в которую входил полк Александра Тучкова, была направлена Николаем Тучковым на помощь войскам Багратиона. Он вступил в самое пекло сражения. Осталось свидетельство очевидца: «Ядра сыпались на Семёновское, деревья падали, как скошенные, избы разрушались, как декорации театральные; воздух выл непрерывно и земля дрожала». Огненный шквал поражал ряды Ревельского полка. Увидев, что солдаты заколебались, генерал Тучков выхватил знамя у знаменосца, чтобы вести ревельцев в атаку, и упал, поражённый картечью. Место его гибели тут же перепахали французские ядра, не осталось и тени героя.

Но навсегда память о генерале Александре Тучкове осталась в истории России, и не только о его боевых заслугах, но и как история необыкновенной любви на фоне того трудного времени. Эта часть его жизни тесно связана с именем жены Маргариты из знаменитого рода Нарышкиных, из которого

происходила и мать Петра I. Маргарита верила, что Александр ей послан Богом и дорожила каждой минутой, проведённой с ним. Она изумила императора Александра I и все общественные круги, когда добилась монаршего разрешения быть рядом с мужем на войне 1807 года.

В Ревельском полку в тыловых формированиях она участвовала в сражениях при Гейльсберге и Фридланде. В 1808 году участвовала вместе с мужем в походе в Швецию. В обращении к императору она писала: «...умоляю позволить мне сопровождать мужа моего генерал-майора Тучкова Александра Алексеевича в Шведском походе. Любовь к Тучкову составляет мой мир и выражается жадной дела – вместе служить Престолу и Отечеству... Не лелею никаких выгод для обеспечения собственной жизни, но имею надежду подарить себе счастье разделить с мужем и марсовы испытания судьбы».

Она была человеком твёрдой воли, умела хорошо ездить верхом, вместе с воинами зимой перешла пешком Ботнический залив, пережила столкновения с регулярными шведскими и финскими войсками, помогала раненым, заботилась о снабжении солдат провиантом. История сохранила письмо императора одному из царедворцев: «Маргарита Тучкова взяла с меня полную и обильную дань удивления и восторга... Она предпочла покинуть сферу созерцательности, тепла и покоя. Пусть Тучковы будут вместе. Они чувства свои ставят на публичное испытание самым страшным – войной. Любовь есть сила Богом даруемая. Мне ли стать плотиной против мужества духовного дерзновения!»

В начале 1811 года у Тучковых родился сын Николенька. Отец настоял, чтобы Маргарита уехала в их имение. Сообщение о гибели мужа чуть не лишило её жизни. Через месяц она побывала на месте сражения, где ещё на поле лежали останки погибших, тщетно искала следы убитого мужа. Не нашла, но, как рассказывают современники, ей однажды принесли перстень, который был когда-то на руке Александра. Она решила увековечить память мужа и его однополчан и установить церковь на месте бывшего Семёновского редута. Солдаты Ревельского полка передали ей на вечную сохранность икону своего покровителя Спаса Нерукотворного. На строительство Маргарита отдала свои драгоценности, средства от продажи ярославского и других имений, пожертвовала свою генеральскую пенсию.

Ей довелось пережить ещё одно горе – в 1826 году умер её сын, его она похоронила там, где погиб отец. А когда в 1839 году открывался памятник погибшим на Бородине, она сказала:

«Народу русскому кланяюсь. Сердобольным родителям, братьям и сёстрам, чьи любимые нами среди кровавой братии в день святого Бородина, кланяюсь. Оплачем их. Они убиты, но довольно жили для Отечества, для чести Государя, семейств своих... Русская земля народом своим держится, молитвою воспоём его». В то время она уже была игуменьей Марией, её усилиями был заложен музей-заповедник, самый грандиозный и оригинальный в мире памятник воинской славы.

Портрет генерала Александра Тучкова в галерее героев Отечественной войны 1812 года в Эрмитаже имеет особенность – на его парадном мундире среди наград орден участника Бородинской битвы. Но награждались им воины только в 1813 году. Можно предположить, что орден на картине появился, видимо, по желанию его супруги.

Битвой четырнадцати генералов называют историки Бородинское сражение. Четырнадцать генералов с обеих сторон погибли тогда на поле битвы. Двое из них – ярославцы Тучковы.

– Пусть наш рассказ послужит благому делу возрождению славных имён, – так закончила Светлана Левагина свою трилогию о Тучковых.

Слово о библиотекарке Светлане Левагиной

А сама откуда? Это какой период брать. Родилась в семье геологов, которые познакомились и сблизилась во время учёбы в Московском геологоразведочном институте. Этот институт – близкий сосед здания гуманитарных факультетов МГУ, и утром мы всегда встречались на Моховой с ребятами в красивой форме – мундирах с погончиками и эмблемой института. Это добавляло им в наших глазах особого интереса, почти героической стати – им предстояло после защиты дипломов уйти не в издательства или школы, как нам, а в экспедиции по мало исследованным местам.

Среди студентов-геологов тогда наверняка встречался Николай Власов, один из тех, кто пришёл в институт через семестры военных лет. И уж никак не думали, что этот вот Николай Власов был автором едва ли не самой любимой студенческой песни «Ты уедешь к северным оленям, в жаркий Туркестан уеду я...» Такой он был – геолог, поэт, секретарь институтского парткома, фронтовик с орденом Красной Звезды и медалями «За отвагу», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина». Родители вместе уходили в свои экспедиции. Только повзрослев, Светлана узнала, что искали и находили они залежи урана, чья опасная близость, видимо, не могла не сказаться на здоровье поисковиков. Так что

ранний уход из жизни отца – наверное, тяжёлая дань за романтику удивительной профессии.

А Светлана окончила филфак Ярославского пединститута. Маргарита Ваняшова и через десятилетия, прошедшие с той поры, отлично помнит её жадный интерес к науке, к литературе, ко всем формам студенческой жизни: клубам и лекториям, кружкам и лекциям. Было в ней и тогда что-то отличающее от ровесников – азарт поисков и открытий в массивах слов, дат, событий.

Интерес к исследовательской работе, широкий диапазон знаний и первые ещё учебные находки открывали Светлане путь в аспирантуру, в науку. Но она выбрала совсем другую дорогу. Тогда, помните, молодых специалистов распределяли по всей стране, по её потребности. Светлана выбрала самое трудное – республику Коми. Но по приезде узнала, что предназначавшееся ей место в школе было передано другому человеку. Ей предложили преподавание литературы в школе колонии строгого режима.

Её учениками стали молодые парни, прошедшие за недолгую ещё жизнь много самого страшного, грязного, трагичного. А она рассказывала им о Татьяне и Онегине, о Софии и Молчалине. Конечно, понимала, что скорее всего не судьбы литературных героев привлекают её учеников, а возможность увидеть Женщину, услышать женский голос. И всё-таки попала в ловушку, как, наверное, случалось со многими молодыми женщинами в таких условиях: с врачами, медсёстрами, учителями. Один из её учеников сказал, что, уйдя отсюда, постарается сразу же вычеркнуть годы, проведённые за решёткой, всё, кроме её уроков литературы. А вот она, знающая столько необыкновенных историй о судьбах других людей, могла бы понять, поверить человеку, чью жизнь сломала трагическая случайность, подать ему руку помощи, поверить в чистоту его чувств?

Всё понимала, но сама себя толкнула в тупик. В общем, вышла замуж за зека. Зная, что ничего доброго из этого не получится, но вышла. Жизнь, естественно, не сложилась. Ещё хорошо, что у неё хватило решимости разорвать ненужные узы. С дочкой на руках Светлана оказалась в Ярославле.

А здесь создавалась новая форма в библиотечном деле – открывалась областная юношеская библиотека, одна из первых в России. Естественно, что без Левагиной не обошлось. А там методический отдел.

Всё, чем она сейчас занимается, всегда как-то связано лично с ней. А тут двухсотлетие Отечественной войны 1812 года. Могла ли она пройти мимо этой вехи? Ни в коем случае.

Так возник и исполнился замысел – сделать выпуск серии методических материалов «Герои Отечественной войны 1812 года на Ярославской земле». Серия начиналась вечером-портретом генерала Доблести и Чести Николая Тучкова.

«Трилогия» Светланы Левагиной – просто очередная её работа, отклик на задание, поставленное временем. Круг её интересов неограничен, и формы освещения тем разнообразны. Мне кажется, что Светлана Николаевна создала особую форму исследовательской литературной работы. В круге её служебных обязанностей – снабжать библиотекарей и преподавателей школ области методическим материалом для проведения уроков и бесед на разные темы, углубляющие школьные программы. И формы работы общепринятые, например, уроки-портреты о братьях Тучковых с ведущим, чтением, иллюстрациями на мониторе. Тираж 50 экземпляров. Таких «методичек», издаваемых областной юношеской библиотекой имени А. А. Суркова, ею подготовлено никак не менее полусотни. Они предназначены облегчать труд учителя где-то в сельской школе, вдали от больших библиотек. Но сколько за каждой из этих тоненьких брошюр труда и поисков самого методиста.

Удивительно ещё и другое – каждая такая «методичка» обязательно настраивает читающего на свой собственный поиск, на поиск новых интонаций, на счастье своих открытий. Таких, как у Светланы. Работая с архивом любимого ярославцами, но рано ушедшего борисоглебского поэта Константина Васильева, она нашла неизвестное ранее его стихотворение «И целую ночь продолжалось падение яблок в саду...» Теперь его учат наизусть. А маленькое её эссе «Об ощущении истоков слова у поэта Константина Васильева»? Оно не может не взволновать любителей литературы. Или методический материал о «Петре и Февронии», в нём Светлана Николаевна представляет не просто пособие к изучению уникального произведения XIV века, а и призывает к размышлениям о «нелицемерной любви» и «тайнах сердечных», так важным для многих.

Композиция по переводам Марии Петровых «...Я за тебя договорю» не просто знакомит нас со стихами не очень широко известного прекрасного поэта с трагической судьбой. Там есть слова Левагиной о вере в невозможное, запретное, в то, что сердце имеет право на счастье.

А сколько ещё статей-исследований в разных толстых журналах, в сборниках. Все никак не перечислишь. Хочется подчеркнуть лишь, что ни одна левагинская работа не содержит ни скучных слов инструкции, нет в них превосходства человека знающего над

человеком узнающим. Все её статьи, исследования, эссе написаны прекрасным эмоциональным, сердечным слогом, адресованным к другой душе. А уж если посчастливится вам услышать лично выступления Левагиной, её интонации, её артистизм в чтении стихов и цитат, тому повезло. Как повезло и мне, и многим другим.

Начав работу в методическом отделе библиотеки, Светлана Николаевна не могла ограничить себя книжными полками, новинками литературы. Она объехала и продолжает объезжать сельские библиотеки, общается с учителями и учащимися. Но есть два самых любимых адреса – Борисоглеб и Мышкин. В борисоглебском селе Вошажникове она родилась. А мышкинцы поразили её необычностью увлечённых людей, многообразием их работ, связанных с возвращением чувства собственного достоинства родному городу, провинции. Она сама считает себя чуть ли не членом их сообщества. Да и широкую известность городок, где происходят сказочные события, приобрёл не без её участия.

Знаменитые Опочининские чтения, двенадцать раз собиравшиеся мышкинским народным музеем и Опочининской библиотекой, вообще вложили заметный вклад в российскую историю. Всех участников объединял интерес к темам, стоящим как бы в стороне от больших дорог. А незабываемые ночные посещения музеев (из-за дефицита времени), экскурсии по ночному городу с известным краеведом Владимиром Гречухиным, выставки редких изданий, произведений местных умельцев, театр и вокальные вечера при библиотеке делали эти собрания незабываемыми для всех участников своих, иногородних, зарубежных. И случилось то, что должно было давно случиться. Имя Левагиной и она сама вызвали большой интерес у ярославских учёных. Почти в одно время она получила два предложения – начать работу над диссертацией. Николай Николаевич Пайков, кандидат филологии, литературовед, советовал ей обобщить огромную проделанную работу по изучению творчества Константина Васильева, а профессор Владимир Жельвис считал, что особенно много она сделала в сборе материалов о мышкинцах с их необычным культом Мыши. Вторая тема показалась Левагиной особенно близкой, и она начала работу. Три года неустанно трудилась над сбором материалов, всё теснее сближалась с жителями приволжского городка и районом.

А потом вдруг решила: поздно, упущено время, двое внуков к тому же требуют её постоянной заботы. Однажды приехала в Мышкин, собрались её друзья, и она грустно объяснила, что диссертацию оставляет и просит простить её за невыполненное обещание. Мышкинцы поняли её положение, расстроились, но

добрые связи крепнут, и выйдет ещё немало материалов о необычном уголке российской земли и его сказочном мире.

Кстати, когда мне срочно понадобились от Светланы, находившейся в отпуске, некоторые справки, и я позвонила по сотовому, нашла её в Мышкине, на возвышенности у собора:

– Здесь самый красивый вид, и сюда ведёт необычная тропинка, по которой я почему-то не ходила, – сказала Светлана.